

ФИЗИКА

СТИХИ

Мариям Кабашилова

Физика

«Издательские решения»

Кабашилова М.

Физика / М. Кабашилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833620-1

Если читателю опостыла лирика, то ему необходима...

ФИЗИКА. В книгу вошли стихотворения Марии Кабашиловой из опубликованного в 2016 году сборника стихов «Физика».

ISBN 978-5-44-833620-1

© Кабашилова М.
© Издательские решения

Содержание

«Открыточного блеска лишена...»	6
«В этом городе длинном дождь моросит...»	7
«Можно, конечно, поехать на море. Но на деле —...»	8
«Давным-давно на этом месте...»	9
«Вот еще один день в Ереване...»	10
«Я знаю точно, есть на свете сила...»	11
«Прежде чем что-то сказать...»	12
«Ночь не издает ни малейшего шума...»	13
«Путь от Кеану...»	14
«Весной, когда расцветает белая акация...»	15
«Мишель заснул, и снились ему титры...»	16
«Когда она звонила ему рассказать, как чудесно прошла экскурсия...»	17
«Если вдруг случится в программе сбой...»	18
«Она уезжает к нему в маленький город В...»	19
«Священная Бхагавад-гита...»	20
«В это сложно поверить, но я говорю как есть —...»	21
«Ты знаешь, хорошо, что все как есть...»	22
«Я расскажу, как это было вкратце...»	23
«Все само по себе – и лес, и речка...»	24
«В доме твоём окно...»	25
«Тень медленно замеряет расстояние от калитки до сада...»	26
«Это точь-в-точь сюжет какого-то фильма...»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Физика

Мариям Кабашилова

© Мариям Кабашилова, 2016

ISBN 978-5-4483-3620-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Открыточного блеска лишена...»

Открыточного блеска лишена,
Зима расходует узор свой точный.
Там, где тепло имеет свой источник,
И больше леса тишина,

Встает январь студеный в полный рост,
Собою загораживая вечер.
Останься там стоять один навечно —
Смотреть на то, как чуден, бел и прост,

Снег падает, и длится много лет
Отсутствие привычных нам предметов.
Там нет кастрюль, газет, шнурков, таблеток,
Стаканов нет, чего там только нет.

«В этом городе длинном дождь моросит...»

В этом городе длинном дождь моросит,
Берега его тают в Мармара си
Словно сахар в горячем чае.

День поделен ровно на пять частей,
Месяц желтым светом в небе частит
И глядит на город печально.

Слышен запах кальяна чуть-чуть, негромко,
Наступает пора меж собакой и волком,
Отовсюду в кафе заывают «велкам».

Там на каждом шагу временная пропасть:
Слышно сабель звон, недовольный ропот...
И вдруг кто-то – «Салям алейкум».

Он гуляет там без всякого смысла,
Но куда бы ни шел, попадает на пристань,
Долго дышит горячей грудью.

Там прохожий с ним говорит стихами,
Может быть, Иисус, может быть, Мухаммед,
А возможно даже и Будда.

«Можно, конечно, поехать на море. Но на деле —...»

Можно, конечно, поехать на море. Но на деле —
Еще один день проведу в постели,
Разглядывая окно, потолок и стены.
Мои друзья выросли, женились, растолстели,
Бросили жену, работу, пить,
Сторчались, умерли. Не с кем больше дружить.
Думать, делить душевную прыть,
Гулять по Чистым, тянуть длинную нить
Разговора:
Кино, поэзия, Маяковский, Есенин, Айседора,
Куриль в сумерках коридора.
Некому сказать «Ты мне дорог.
Ты мне очень дорог...»

«Давным-давно на этом месте...»

Давным-давно на этом месте
Был лес глухой. Под долгий шелест
Деревьев, что росли здесь двести
Лет, жил святой отшельник.

Он целый день, с утра до ночи,
Молился в крохотной каморке.
Сначала он что было мочи
Мечтал о чудесах, чтоб море

Пред ним покорно расступилось,
И прочие такие вещи...
Ругал себя: «Что за тупица,
Хотя бы сон приснился вещей».

И продолжал молиться богу,
И перестал мечтать о чуде,
И снилось, что на поле боя,
Стоит он в шлеме и кольчуге.

Туман сгущался в небе сером,
Но ярче, чем паникадило,
В его груди горела вера.
И было настоящим чудом, что чудо не происходило.

«Вот еще один день в Ереване...»

Вот еще один день в Ереване,
Раннее
Утро. Радует армянское солнце.
Продолжается в сердце
Ведущая в горы дорога.
Быстрая струя родниковой воды впадает в реку с первого раза.
Свет, вступая в химический процесс с сетчаткой глаза,
Производит опыт по получению бога.

Пространство комнаты берет на пробу свет ночника,
И тянется комод к кровати, но все никак.

Снаружи дождь, и чей-то вечер испорчен в хлам,
А мимо полосат и клетчат напополам
Идет народ,

Забывший зонтики, перчатки и кучи книг
На улицах и шумных барах, в метро час-пик.

Ты тоже, потерявший что-то, идешь домой.
Уже не мой, ничей, а, впрочем, и сам не свой.

Вокруг темно, и над тобою звезда дрожит,
Тебя в стихах гораздо больше, чем в этой жи...

«Я знаю точно, есть на свете сила...»

Я знаю точно, есть на свете сила,
Которая спасет, если – беда.
Мы будем долго вместе и когда
Те годы жизни, что тебя любила,
Вдруг перевесят те, что не любила
(Хотя я математик еще тот),
Мы купим кремовый с черникой торт
Апрельским вечером цветочным, пьяным
И разольем по синим чашкам чаю,
Немного пахнувший лавандой и тимьяном.
И все для нас закружится сначала.
И я скажу, спасибо, что простил,
Спасибо, что сквозь годы сохранил
Смысл этих слов – знакомых и простых —
Таким же мощным, как в разливе Нил,
Таким священным, как старинный стих,
Дарующий волшебный свет зари,
За то, что только мне их говорил.

«Прежде чем что-то сказать...»

Прежде чем что-то сказать,
Взвешиваю каждое слово на языке,
Произношу только самое невесомое.

Если сравнить переводы Стивенса с оригиналом,
Полученная разница и будет тем, настоящим.

Я провела тщательный анализ одного февральского вечера
Две тысячи тринадцатого года
И не обнаружила в нем ни одного черного дрозда,
Ни одного крыла, клюва или перышка и даже ее тени.

«Ночь не издает ни малейшего шума...»

Ночь не издает ни малейшего шума,
Звезды по небу рассыпаны как попало,
Появилась луна и вновь пропала.
Ты просто дыши, ни о чем не думай.

Не шелохнется штора, не скрипнут двери,
Долго сиди в тишине и покое,
И в тишине этой можно услышать такое,
Что, открыв глаза, уже не уверен,

Прежний ты человек или новый
(Это не образ, здесь понимай буквально),
Было ли так всегда, изначально...
Моешь посуду, хранишь на счастье подкову,

Откликаешься на свое имя,
Продолжаешь дальше идти по кругу,
Только чуть-чуть сомневаясь, что эти руки,
Эти ноги всегда были твоими.

«Путь от Кеану...»

Путь от Кеану
До Нео. От Марии до Маши.
От синей краски гуаши
До глубин океана.

Никаких проволочек.
Как стремится котангенс
В путь от Ганга до Ганги,
Запредельно и точно.

Все уже проиграла
На расстроенных струнах,
Жизнь длиннее, чем юность,
Дольше всех сериалов.

Посмотри как снаружи
Ветер легкий апрелит,
Различить еле-еле
Отражения в лужах.

«Весной, когда расцветает белая акация...»

Весной, когда расцветает белая акация,
И сладкий аромат в волшебном танце
Проникает в мою одежду, кожу и волосы,
Я вспоминаю, как человек сидел в позе лотоса,
Копил в своем сердце любовь и веру.
Пока это возможно, пока не превратился в дерево.
Вот в эту самую акацию.
Рот был полон молитвы, губы не успевали за пальцами,
Перебирающими четки,
Шептали мантру еле слышно, нечетко.

«Мишель заснул, и снились ему титры...»

Мишель заснул, и снились ему титры
Не сбывшегося наяву кино.
В нем в кадре постоянно часть квартиры —
Один лишь стул, обои и окно.

И девушка еще была, конечно.
Она вела негромкий разговор
С собой и поправляла внешность.
Еще звучало в воздухе «Мотор»,

Когда Мишель прекрасный и печальный
Проснулся. Дом качался на плаву,
Скворчал на кухне выкипевший чайник,
И лил ноябрьский дождик наяву.

«Когда она звонила ему рассказать, как чудесно прошла экскурсия...»

Когда она звонила ему рассказать, как чудесно прошла экскурсия,

Она была уже мертва. Он не верил своим ушам, ведь был в курсе,
Что российские туристы утонули в Адриатике во время прогулки
На лайнере «Котор». Какие-то проблемы с мотором из-за
фальшивой втулки.

Ее фамилия в списках погибших. А она ему говорит: «А дальше,
ты только послушай,

Нас высадили на райском берегу...» В аэропорту она выглядела
отдохнувшей.

И они продолжили жить как прежде. Он дарит ей цветы, варит
по утрам кофе

По какому-то особому рецепту, он в этом деле профи.

По выходным водит в кино, на прогулки в сосновый бор.

В кафе официантка удивляется его просьбе принести второй
прибор.

Он смеется, говорит об издержках профессии, она, рассматривая
ее нарочито строго:

«Нет, проблемы в личной жизни, посмотри, какие у нее кривые
ноги».

Иногда они сидят на веранде своего домика, за бокалом вина

Рассуждают о смысле жизни, поэзии, о вещих снах.

«Бывают такие слова, которые чувствуешь наощупь, ощущаешь
их вкус на языке,

Будто тебя захлестывают волны моря или подхватывает течение
горной реки,

А бывает слово острое, как стрела...»

И после паузы: «Ты знаешь, мне иногда кажется, что я уже
умерла».

Улыбается, думает, надо об этом написать стихи.

«Если вдруг случится в программе сбой...»

Если вдруг случится в программе сбой,
И ты враз решишь покончить с собой:
Отравиться или повеситься.
Перед этим вот что, ты не забудь
Прочитать по звездам свою судьбу,
Улыбнуться смайлику месяца.

«Она уезжает к нему в маленький город В...»

О.Л.

Она уезжает к нему в маленький город В.
Я люблю, я люблю, я люблю – гудит в голове,
Плеер, блок сигарет, на первое время лаве,
Мастер и Маргарита на тридцатой главе.

«Эй, послушай, что ты с собою творишь,
Сорвалась с катушек, поехала крыш...
Рвешься в город В, как в какой-то Париж».
Отвечает: «Он сам – человек-Париж.

С сеной, марсовым полем и башней.
Нет никого на свете милей и краше».
«Эй, послушай, разве тебе не страшно?»
«Страшно вспомнить, как без него было раньше»

Поезд ее умчал на далекий берег.
Продолжает любить и свято верит
В счастье без белых авто, собачек, денег.
А перед нею злобен и дик воет Терек.

«Священная Бхагавад-гита...»

Священная Бхагавад-гита
Полностью перевернула мое сознание,
Но я все еще живу как прежде.
Так курица продолжает бежать по двору
После того, как ей отрубили голову.

«В это сложно поверить, но я говорю как есть —...»

В это сложно поверить, но я говорю как есть —
С тех пор, как ты умер, от тебя ни одного смс,
Ни разу не позвонил, не зашел в гости, не повстречался в метро,
Как будто растворился в воздухе, ушел в нутро
Ночи. Словно и в самом деле тебя больше нет.
Я писала письма, но не получила ответ.
Тебя не была на премьере нового Гая Ричи,
Там такой чувак в духе мистера Коричневого,
В самом конце у него еще едет крыша...
А когда все самураи любовались вишней,
Сидя в позе лотоса, умиротворенно и спокойно,
Ты не появился в парке Уена Коэн.
Да что там, даже на Патриарших тебя не было ни разу.
Я специально искала, вокруг, сколько хватает глазу —
Одни деревья в летаргическом сне, наверно, пинии.
Ты никогда не отличался особенной дисциплиной,
Но кто же знал, что так добросовестно отнесешься к этому
Неправдоподобному переходу через Лету.
Так и представляю готический пейзаж, грай ворон,
Как ты сдерживаешь смех, отдавая монетку Харону.
Я звоню, и за дверью твоей долгий зуммер,
Напиши мне письмо, начни с фразы – «когда я умер...»

«Ты знаешь, хорошо, что все как есть...»

Ты знаешь, хорошо, что все как есть:
Стол в центре комнаты, окно, вид из окна,
Пропитанный фонарным светом, весь
Небосвод со звездами. Одна

Из них надежней остальных
Меня оберегала и вела.
Все, что во мне, и даже этот стих,
Обращены к ней точно, как стрела.

«Я расскажу, как это было вкратце...»

Я расскажу, как это было вкратце.
Часы хмурились – без пяти двенадцать,
В утробе комнаты икал тусклый свет.
Ты скомкал письмо, выбросил конверт.
Потом долго сидел, пока не забыл о времени,
Пока не перестал быть переменной уравнения,
С дифференциальными неравенствами и строгими,
Перестал подчиняться законам логики.
Больше не пытался кого-то спасти,
Больше не говорил никому «прости».
И тебе не говорили «прости»,
И много еще других слов, а потом —
Только некоторые слова, например, «перелом», «бром»,
В общем, оканчивающиеся на слог «Ом».
Ты не помнишь, как перестал испытывать боль,
Как прошел паспортный контроль,
О чем тебя спрашивали, о чем ты спросил,
Как сел в самолет, потом в такси.
В дороге несколько раз засыпал,
Снился грязный сырой подвал.
Кто-то кричал «стой» и «берегись».
А проснувшись, ты оказался в лесу, на берегу реки.

«Все само по себе – и лес, и речка...»

Все само по себе – и лес, и речка.
Не увиден, не назван, не осознан,
Льется дождь, и продолжается вечно
Хвойный запах, очаровавший сосны.

Там, где рот не молвит ни слов, ни звуков,
Там, где мысль не влечет за собой последствий,
Ты тихонько берешь свою речь на руки
И укачиваешь как мама в детстве.

Пусть заснет надолго без снов-видений,
Без морей и тонущих в них закатов,
Пусть живет от всяких вещей отдельно,
Между богом-отцом и русским матом.

«В доме твоём окно...»

В доме твоём окно
Долго мусолит осень,
День, позабывшись сном,
Бредит листьями клена.

Медленный алкоголь,
Взгляд по блеклым обоям,
Здесь настоящая боль,
А не мысли о боли.

Нам не хватает слов,
В дело вступают руки.
Говорим про любовь,
Но молчим о разлуке.

«Тень медленно замеряет расстояние от калитки до сада...»

Тень медленно замеряет расстояние от калитки до сада,
Собака соседская лает надсадно.
Как заезженная пластинка длится лето. Так долго-долго.
А когда переставляешь иголку,
Уже наступает январь.
Воробьи ютятся под крышей дома как встарь.
Подросток сидит на подоконнике в белой пижаме.
Ищет слова, свободные от содержания,
Чтобы наполнить их собою до краев,
Чтобы порезаться о них в кровь.
Луна, созревшая в небе сочным дюшесом,
Дает крепкие побеги в его душе.

«Это точь-в-точь сюжет какого-то фильма...»

Это точь-в-точь сюжет какого-то фильма,
Вот ты сидишь на важной встрече и вдруг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.